DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-4-105-112

Итоги членства Киргизии в Евразийском экономическом союзе

МАДИНА ОКТАМОВНА ТУРАЕВА, **доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник**
Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: m.o.turaeva@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются некоторые промежуточные итоги нахождения Киргизии в составе Евразийского экономического союза. Республика долго шла к тому, чтобы присоединиться к этому интеграционному проекту. С момента вхождения в союз прошло четыре года; публикации Евразийской экономической комиссии и киргизских официальных статистических служб свидетельствуют о позитивных социально-экономических итогах, стабильном росте экономики, решении многих проблем бюджетной сферы и минимальных значениях инфляции. Между тем критический взгляд на показатели и сопоставление данных национальных и международных институтов позволяют сделать не столь однозначные выводы. За несколько лет нахождения страны в составе интеграционного объединения приток денежных переводов относительно валового внутреннего продукта вырос с 29,9% до 33,2%. Повышение конкурентоспособности рабочей силы из Киргизии на трудовых рынках стран Евразийского экономического союза – один из важных результатов вступления республики в эту международную организацию (равно как и последовавший за этим рост денежных переводов). Кроме этого, для республики весьма существенной является поддержка Российской Федерации (поставки нефтепродуктов по выгодным для Киргизии ценам, а также объем оказываемой безвозмездной помощи, в том числе для таможенного и пограничного контроля). Однако, несмотря на позитивную динамику ряда показателей, которую принято трактовать как эффекты вхождения республики в Евразийский экономический союз, торговля со странами союза растет медленнее, чем товарооборот с Китаем, который уже является крупнейшим торгово-инвестиционным партнером республики.
Ключевые слова: Киргизия (Кыргызская Республика), Евразийский экономический союз, валовой внутренний продукт, бедность, инфляция, внешний долг, миграция

Статья поступила в редакцию 21 июня 2019 года.

Тураева М.О. Итоги членства Киргизии в Евразийском экономическом союзе. *Государственная служба.* 2019. № 4. С. 105–112.

OUTCOMES OF KYRGYZSTAN'S MEMBERSHIP IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

MADINA O. TURAEVA, **Dr. Sci. (Economics), Leading Researcher**
Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky prospekt, Moscow, Russian Federation, 117218). E-mail: m.o.turaeva@gmail.com

Abstract: The article considers some intermediate results of Kyrgyzstan's presence in the EEU. The Republic has long gone to join this integration project. After a period of 3,5 years of its entry into the Union, publications by the EEC and Kyrgyz official statistical services show positive socio-economic results, stable growth of the economy, solving many problems of the public sector and the minimal inflation values. Meanwhile, a critical look at the indicators and a comparison of data from national and international institutions does not allow us to make so unequivocal conclusions. Over the several years that the country has been part of the integration association, the inflow of remittances relative to gross domestic product has grown from 29,9% to 33,2%. Improving the competitiveness of the labor force from Kyrgyzstan in the labor markets of the countries of the Eurasian Economic Union is one of the important results of the republic joining this international organization (as well as the ensuing increase in remittances). In addition, support of the Russian Federation is very significant for the republic (the supply of petroleum products at competitive prices for Kyrgyzstan, as well as the volume of gratuitous assistance provided, including for customs and border control). However, despite the positive dynamics of a number of indicators, which is customarily interpreted as the effects of the entry of the Republic into the Eurasian economic union, trade with the countries of the Union is growing more slowly than trade with China, which is already the largest trade and investment partner of the Republic.
Keywords: Kyrgyzstan (Kyrgyz Republic), Eurasian Economic Union, gross domestic product, poverty, inflation, external debt, migration

The article was received on June 21, 2019.

Turaeva M.O. Outcomes of Kyrgyzstan's membership in the Eurasian Economic Union. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2019. No 4. P. 105–112. In Russian

Введение

В 2019 году исполняется четыре года с того момента, как Договор о присоединении Кыргызской Республики (Киргизии) к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) вступил в силу (окончательное оформление всех этапов вхождения и процедур закончилось в августе 2015 года)[1]. В прежних публикациях на эту тему мы уже отмечали, что Киргизия – одна из первых среди постсоветских стран, которая ввела национальную валюту (в 1993 году), а в 1998 году первой из стран Содружества Независимых Государств стала членом Всемирной торговой организации [Тураева, 2016. С. 4–6]. Начало периода независимости прошло для страны не так сложно, как, например, для соседнего Таджикистана, в том числе потому, что в стране проводились либеральные реформы, создавались зоны свободной торговли, вводился упрощенный налоговый режим для малого бизнеса и предпринимателей. Вместе с тем высокий уровень бедности, транспортная изолированность, слабость энергетической, товаропроводящей и логистической инфраструктуры негативно сказались на формирующейся национальной экономической модели Киргизии.

Особенности современной киргизской экономики и геополитическая трансформация евразийского пространства

За рассматриваемый период (с момента обретения республикой независимости) Киргизия прошла через две революции (2005 и 2010 годов), завершившиеся сменой политического руководства страны и внутренней политической повестки. Современная киргизская экономика имеет несколько контрастных друг другу характеристик. Так, деградация национальной промышленности и сельского хозяйства, происходящие параллельно не останавливающемуся потоку миграции населения из страны, а также быстрорастущий внешний долг, высокий порог бедности, проблемный инвестиционный климат и политическая нестабильность контрастируют с довольно открытой экономикой, отсутствием проблем валютного регулирования для инвесторов и весьма лояльным отношением к всестороннему развитию бизнеса. Ранее мы уже отмечали, что «за эти годы в республике сложилась модель низко-диверсифицированной малой открытой экономики с сильным торгово-посредническим уклоном…» [Тураева, 2016. С. 4–6]. Если учесть, что размеры национальной экономики в Киргизии относительно малы, а внутренние рынки сбыта также невелики, то становится очевидным, что страна в большой степени зависима от внешних факторов.

Пережитые страной революционные потрясения (2005, 2010 годы) существенно усложнили процесс интеграции республики в Евразийский экономический союз (когда страной был сделан ее интеграционный выбор, речь шла еще о присоединении к Таможенному союзу трех государств). Официально в состав ЕАЭС Киргизия вошла весной 2015 года, а процедура ратификаций и внутренних согласований завершилась к августу. Противники присоединения страны к Таможенному союзу были оппозиционно настроены по отношению к постсоветской интеграции для Киргизии. Они выступали за иной вектор дальнейшего развития страны, в частности, за усиление сотрудничества со странами НАТО, Турцией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Японией и Украиной. Поддержкой такого вектора, безусловно, являлась дислоцированная на территории столичного аэропорта «Манас» американская военная база. Пример политики нейтралитета, которую проводит постсоветский Туркменистан, также мог стать одним из вариантов будущего политического развития Киргизии. Однако геополитическая трансформация евразийского пространства, ускорившаяся в 2014 году, и последовавший экономический кризис дополнительно стимулировали выбор Киргизии в пользу евразийской интеграции [Постсоциалистический мир…, 2017. С. 147–150; Vinokurov, 2017. P. 57–68].

Начиная с 2012 года почти на 40% упал экспорт агропродовольственной продукции из Киргизии, при этом большое число вопросов с фитосанитарным и ветеринарным контролем оставалось не решенным. Оценки промежуточных итогов вступления Киргизии в Евразийский экономический союз, сделанные различными институтами и экспертами, оказываются разными в силу объективных факторов. Делать фундаментальные выводы пока рано, однако мы попытаемся оценить, есть ли на текущий момент значительные изменения в социально-экономической повестке Киргизии.

В нашем исследовании мы учитываем данные, начиная с 2014 года. Этот выбор мотивирован тем, что в следующем, 2015, году республика официально присоединилась к Евразийскому экономическому союзу. Кроме того, именно в 2014 году началась девальвация валют, структурные кризисные проявления и падение курсов национальных валют стран участниц Евразийского экономического союза, что, безусловно, необходимо принимать во внимание при анализе результатов хозяйственной деятельности.

Макроэкономические показатели и инфляция

В аналитическом докладе Евразийской экономической комиссии, посвященном результатам первых двух лет нахождения Киргизии в Евразийском

1 Присоединение Кыргызской Республики к Евразийскому интеграционному проекту: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Pages

экономическом союзе, отмечается, что внутренний валовой продукт республики, «начиная с 2015 г. растет темпами, превышающими увеличение ВВП в целом по ЕАЭС...» [Евразийская экономическая комиссия..., 2018. С. 49–50].

Согласно данным Национального статистического комитета Киргизии в 2015 году (по сравнению с 2014 годом) валовой внутренний продукт страны, рассчитанный производственным методом, повысился на 3,5%, в 2016 году – на 3,8%, в 2017 году – на 4,5%, в 2018 году – на 3,5%[2]. С 2014 по 2017 год доля валовых накоплений незначительно снизилась: с 32,5 до 31,5% (в текущих ценах). Доля экспорта товаров и услуг в валовой внутренний продукт (по видам расходов в текущих ценах) уменьшилась с 37,4 до 34,3%, доля импорта также снизилась – с 87,7 до 66,4%[3]. За рассматриваемый период несколько изменилась структура валового внутреннего продукта по отраслям. Об индустриализации киргизской экономики говорить пока рано, однако, согласно предварительным данным за 2018 год, доля продукции промышленности в валовом внутреннем продукте увеличилась до 27,4%, а сельского хозяйства в его структуре уменьшилась до 11,7%. Доля услуг в нем за это время также незначительно снизилась: с 47,5 до 46,8% (см. **таблицу 1**).

Таблица 1. Отраслевая структура валового внутреннего продукта Киргизии, %*

Data chart 1. Sectoral structure of Kyrgyzstan's gross domestic product, %

	2014	2015	2016	2017	2018**
Промышленность	23,9	25,1	26,6	27,3	27,4
С/х	14,7	14,0	12,8	12,5	11,7
Услуги	47,5	49,1	47,5	47,1	46,8
Чистые налоги	13,9	11,8	13,1	13,1	14,1
Всего	100	100	100	100	100

* Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: http://stat.kg
** Предварительные данные

Таблица 2. Показатели валового внутреннего продукта Киргизии за 2015–2018 годы*

Data chart 2. Indicators of gross domestic product of Kyrgyzstan for 2015–2018

	2014	2015	2016	2017	2018**
ВВП, млн сомов	400 694,0	430 489,4	476 331,2	530 475,7	557 113,3
ВВП, млн долл.	7468,10	6678,18	6813,09	7564,74	8092,6
ВВП по ППС, млн долл.	19558,68	20537,06	21700,89	23103,94	н/д
ВВП на душу населения, тыс. сомов	71,8	75,5	81,8	89,3	91,8
ВВП на душу населения, долл.	1279,77	1121,08	1120,67	1219,82	1333,48
ВВП на душу населения по ППС, долл.	3351,67	3447,61	3569,52	3725,54	н/д

* Источники: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, Динамические таблицы: http://stat.kg/ru/statistics/nacionalnye-scheta/; Национальный банк Кыргызской Республики. Ежедневные официальные курсы по USD (данные с 2010 года) и EUR, RUB, KZT, (данные с 2012 года): https://www.nbkr.kg/EXCEL/dailyrus.xls; World Bank
** Оценочно по предварительным данным о валовом внутреннем продукте и среднем курсе доллара к сому в 2018 году

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО)[4], с 2012 по 2016 год объем экспорта агропродовольственной продукции из Киргизии сократился на 36,7%, что, по мнению специалистов этой организации, является среди прочего следствием высоких ставок по краткосрочным кредитам и отсутствия долгосрочного кредитования сельхозпроизводителей[5].

Необходимо принять во внимание изменения в статистической базе, которые происходят после уточнения данных. Так, еще в 2016 году Национальный статистический комитет Киргизии приводил данные о 15,5% доли промышленности в структуре валового внутреннего продукта за 2014

2 Данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики: http://stat.kg

3 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. ВВП по видам расходов в текущих ценах: http://stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/336

4 ФАО является специализированным учреждением ООН, возглавляющим международные усилия по борьбе с голодом: http://www.fao.org

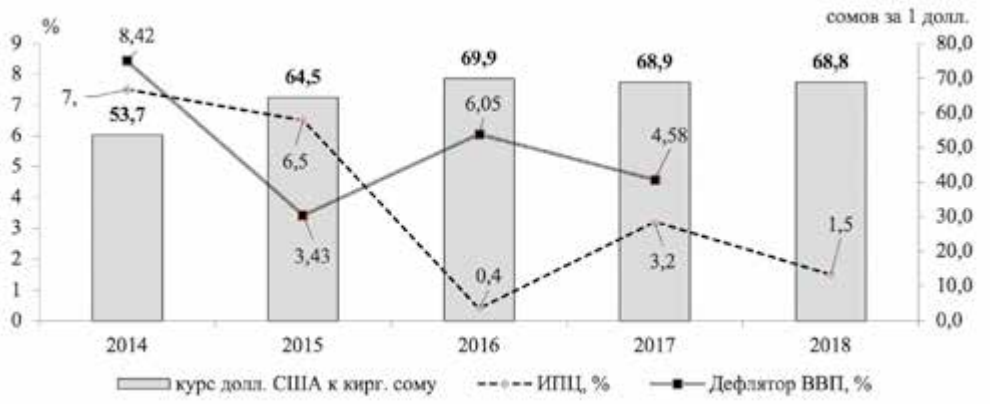
5 За последние пять лет в Кыргызстане объемы экспорта сельскохозяйственной продукции снизились почти на 40% (10 ноября 2019 года): https://www.kp.kg/daily/26906.5/3951313

год [Тураева, 2016. С. 6] против 23,9%, которые он приводит сейчас. Поэтому выводы о динамике, возможно, потребуют некоторой корректировки. Номинальный объем валового внутреннего продукта республики за 2014–2018 годы в национальной валюте вырос почти в 1,4 раза, при этом номинальный подушевой валовой внутренний продукт вырос в 1,3 раза (см. **таблицу 2**).

В долларовом исчислении номинальный валовой внутренний продукт вырос лишь в 1,08 раз и достиг в 2018 году 8,1 млрд долл. Номинальное долларовое значение валового внутреннего продукта на душу населения за этот же период выросло в 1,04 раза, составив к 2018 году 1 333,5 долл. на душу населения. Таким образом, эти показатели в перерасчете на среднегодовой курс доллара почти не изменились. Данных по валовому внутреннему продукту, рассчитанному по паритету покупательной способности, за 2018 год еще не было опубликовано, однако за период с 2014 по 2017 год он вырос почти в 1,2 раза (с 19,6 до 23,1 млрд долл.). За этот же период подушевой валовой внутренний продукт вырос в 1,1 раза (с 3,35 до 3,73 тыс. долл.). Как и в прежние годы, быстрый прирост населения, свойственный Киргизии, обусловил то, что динамика абсолютных и относительных значений отличается. Важно отметить, что в 2015 году показатели валового внутреннего продукта в пересчете на доллар, в отличие от показателей в национальной валюте Киргизии[6], продемонстрировали отрицательный рост, что объясняется резким падением курса сома. С 2014 по 2018 год, по данным различных источников, инфляция в Киргизии имела противоречивые значения (см. **рисунок 1**).

Рисунок 1. Показатели инфляции и курса валюты, 2014–2018 годы*

Figure 1. Inflation and exchange rate indicators, 2014–2018

* Источники: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Индекс потребительских цен в Кыргызской Республике (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года): http://stat.kg/ru/statistics/download/operational/336/; Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Номинальный курс отдельных валют: http://stat.kg/media/statisticsdynamic/0dd442b7-4653-4b5e-b7f8-d10212e8a050.XLS;

Национальный банк Кыргызской Республики. Ежедневные официальные курсы по USD (данные с 2010 года) и EUR, RUB, KZT, (данные с 2012 года): https://www.nbkr.kg/EXCEL/dailyrus.xls; International Monetary Fund, International Financial Statistics and data files

Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики в 2016 году по индексу потребительских цен инфляция достигла почти нулевого значения (0,4%), что существенно ниже показателей за 2015 (6,5%) и 2017 (3,2%) годы. Публикация данных о низком уровне инфляции по итогам 2016 года вызвала определенный резонанс в киргизском обществе[7]. Депутаты парламента подвергли сомнению достоверность этих сведений Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Особенно критично информация была воспринята потому, что впервые данные были приведены в ходе заседания парламента, на котором заслушивался отчет Правительства о результатах вступления Киргизии в Евразийский экономический союз. В ответ на это статистическое ведомство выпустило пресс-релиз, в котором было заявлено, что Национальный статистический комитет Кыргызской Республики осуществляет свои расчеты на основе международной методологии и принципах независимости. Выходящие позже сведения Всемирного банка по дефлятору валового внутреннего продукта также значительно отличаются от значений, на которых настаивает Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. По данным Всемирного банка, дефлятор киргизского валового внутреннего продукта в 2016 году составил 6,05%, что выше значений 2015 (3,43%) и 2017 (4,58%) годов. Среднегодовой курс доллара к киргизскому сому с 2014 по 2018 год вырос с 53,7 до 68,8 сомов за доллар (на 28%).

Возможно, что такие расхождения в базовых показателях отчасти связаны с объемами нена-

6 Киргизский сом.

7 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики призывает правильно использовать статистические данные (6 февраля 2017 года): http://stat.kg/ru/news/nacstat-kom-prizyvaet-pravilno-ispolzovat-statisticheskie-dannye

Рисунок 2. Показатели внешнего долга Киргизии, млн долл.*

Figure 2. Foreign debt indicators of Kyrgyzstan, millions of dollars.

* Составлено по данным Министерства финансов Киргизии и World Bank

блюдаемой экономики в республике, которая дополнительно стимулируется либеральным внутренним валютным законодательством и отсутствием каких-либо ограничений на ввоз / вывоз иностранной валюты и на ее конвертацию. Даже официальное агентство республики признает, что объем теневой экономики в 2017 году составил почти 24% валового внутреннего продукта. Прежде в Киргизии было проведено два масштабных исследования по выявлению объемов теневой экономики. В 2006 году ее уровень был зафиксирован в объеме 53%, в 2012 году – 39%[8].

Государственные финансы и внешний долг Киргизии

За период с 2014 по 2017 год дефицит государственного бюджета увеличился с 1,9 до 16,5 млрд сом. Профицитных отчетных периодов за это время ни разу не сложилось, – напротив, дефицит вырос в 8,7 раз. Доля официальных полученных трансфертов составляла от 8,3% (2014 год) до 9% (2017 год)[9]. Эта статья доходов на протяжении ряда лет стабильно составляет до 10% фактически полученной страной помощи из-за рубежа. В частности, это трансферты, полученные от правительств других государств, а также от международных организаций. Киргизия традиционно является реципиентом помощи в виде грантов и кредитов, которые помогают решить большое число внутренних проблем в стране, включая дефицит бюджета, и подойти к реализации крупных национальных задач. В том числе и поэтому ситуация с внешним долгом в стране является одним из острых вопросов социально-экономического развития (см. **рисунок 2**).

По оценкам Всемирного банка, общий внешний долг Киргизии в 2014 году составил 7,29 млрд долл., из которых 3,44 млрд долл. – это, по данным Министерства финансов Киргизии, государственный и государственно-гарантированный внешний долг. Суммарный долг вырос к 2017 году до 8,16 млрд долл., при этом его государственная часть по итогам 2017 года составила почти 4,1 млрд долл. Согласно данным Министерства финансов Киргизии, по состоянию на конец ноября 2018 года, государственный долг сложился на уровне 3,84 млрд долл.

Основную часть внешнего государственного долга Киргизии составляют кредиты Экспортно-импортного банка Китая, а также льготные кредиты Всемирного банка, Азиатского банка развития, Японского банка международного сотрудничества и Международного валютного фонда. По состоянию на начало 2019 года, наибольший долг у Киргизии накопился перед Китаем – 44,6% общей суммы внешнего государственного долга. На втором месте – Всемирный банк (16,8%). Далее следует Азиатский банк развития (14,9%), Японский банк (6,2%) и Международный валютный фонд (4,6%).

Говоря о состоянии платежного баланса, необходимо отметить, что в 2000–2010-х годах стабильно растет негативное значение сальдо счета текущих операций. В прежних публикациях, опираясь на открытые источники (в частности, сведения Национального банка Киргизии), мы упоминали, что с 2001 по 2014 год этот показатель вырос почти в 95 раз[10] [Тураева, 2016. С. 14]. К настоящему времени данные за 2014 год скорректированы до -1 269,4 млн долл. Таким образом, с 2001 по 2014 год сальдо счета текущих операций увеличилось не в 94, а в 68 раз. Но за период с 2014 по 2017 год произошло уменьшение отрицательного сальдо

8 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики определил объем теневой экономики Кыргызстана (23 января 2019 года): https://economist.kg/2019/01/23/nacstat-kom-razmer-tenevoj-ekonomiki-snizilsya-do-23-6-k-vvp

9 Министерство финансов Кыргызской Республики. Годовые отчеты об исполнении госбюджета: http://minfin.kg/ru/novosti/godovoy-otchet-ob-ispolnenii-byudzheta.html

10 С -19,0 до -1 788,3 млн долл.

до -481,1 млн долл.[11], то есть по сравнению с 2014 годом оно сократилось в 2,6 раза. При этом сальдо торгового баланса изменилось не столь значительно: с -2 807,5 млн долл. до -2 383,3 млн долл. (в 1,2 раза). Однако почти в 3,6 раза уменьшилось отрицательное сальдо баланса услуг (до -92 млн долл. в 2017 году) и на 190 млн долл. увеличились текущие трансферты.

К сожалению, платежный баланс, публикуемый Национальным банком Киргизии, в аналитическом представлении не дает детальной расшифровки по видам услуг для того, чтобы сделать выводы, за счет каких именно услуг произошло сокращение отрицательного сальдо. Однако в разделе «Публикации»[12] можно найти квартальные отчеты по платежному балансу, в которых виды услуг представлены более подробно. Так, за рассматриваемый период увеличился экспорт (соответственно, уменьшилось отрицательное значение сальдо) по услугам связи, транспортным, финансовым, страховым, компьютерным и информационным, а также государственным услугам. При этом в области строительства, деловой сфере и прочем импорт рос со значительным опережением экспорта[13]. Объем экспорта по отношению к валовому внутреннему продукту снизился с 25,2% в 2014 году до 21,8% в 2018 году (см. **рисунок 3**). При этом приток денежных переводов относительно валового внутреннего продукта Киргизии вырос с 29,9% до 33,2%.

Вместе с тем, исходя из данных Национального статистического комитета Киргизии, за рассматриваемый период на 2015 год пришелся пик поступления иностранных инвестиций (по отношению их притока к объему внутреннего валового продукта), который затем пошел на спад. По данным за 2017 год этот показатель снизился на 15,1% по сравнению с пиковым 2015 годом.

Рисунок 3. Иностранные инвестиции, объем экспорта, переводы по отношению к валовому внутреннему продукту Киргизии, 2014–2018 годы*

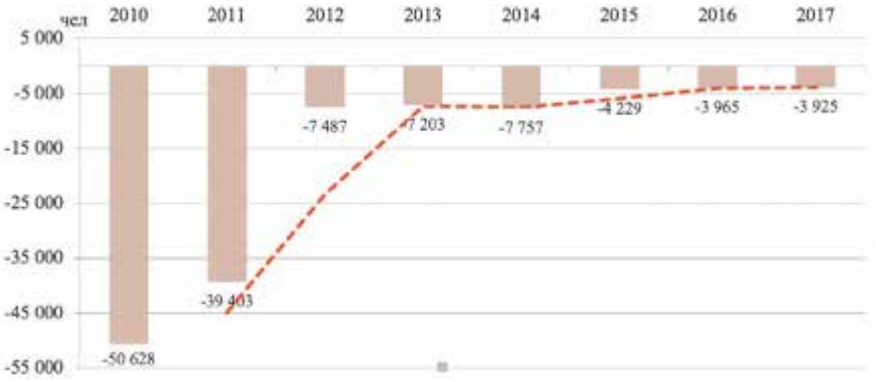
Figure 3. Foreign investment, exports, transfers in relation to Kyrgyzstan's gross domestic product, 2014-2018

* Источники: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Динамические таблицы: http://stat.kg/ru/statistics/nacionalnye-scheta/; Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Иностранные инвестиции в январе–сентябре 2018 года: http://stat.kg/ru/statistics/download/operational/960/; Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Экспорт товаров по разделам Международной Стандартной Торговой Классификации (тыс. долл.): http://stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/517/; Национальный банк Кыргызской Республики; World Bank

Рисунок 4. Внешняя миграция населения Киргизии, 2010–2017 годы*

Figure 4. External migration of the population of Kyrgyzstan, 2010-2017

* Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Миграционный прирост, отток по внешней миграции: http://stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/728

11 Национальный банк Кыргызской Республики. Платежный баланс Кыргызской Республики (аналитическое представление): https://www.nbkr.kg/DOC/12022019/000000000051651.xls

12 Национальныйбанк Кыргызской Республики. Публикации. Платежныйбаланс:https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=138&lang=RUS

13 Национальный банк Кыргызской Республики. Платежный баланс Кыргызской Республики за первое полугодие 2018 года: https://www.nbkr.kg/DOC/29112018/000000000051164.pdf

Социальные последствия внешней миграции

В 2010–2011 годах Киргизию покинуло более 100 тыс. человек. Характерно, что в 2010 году (после второй революции) наиболее многочисленную группу выбывших (примерно 40%) составили этнические киргизы [Тураева, 2014. С. 160–178]. По имеющимся на сегодня сведениям (за 2017 год), число выбывшего из страны населения до сих пор превалирует над прибывшим в Киргизию, в результате чего фиксируется отрицательное сальдо миграций (см. **рисунок 4**), которое вместе с тем, начиная с 2010 года, имело тенденцию к уменьшению.

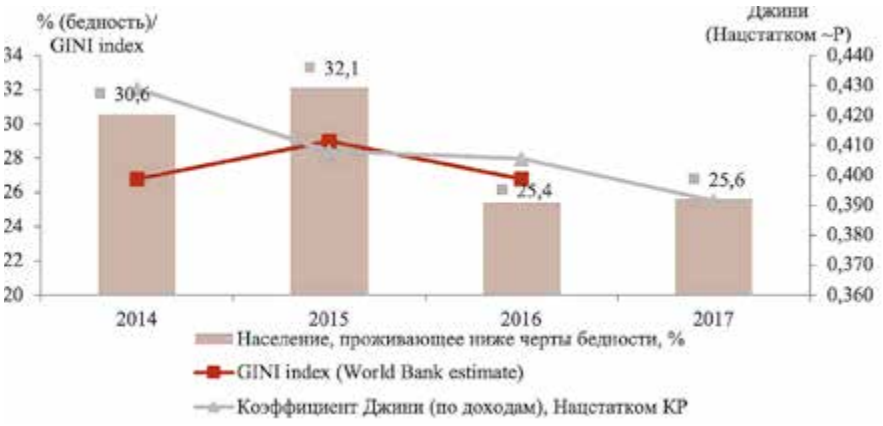
Большая часть мигрантов, судя по этим данным, выбывала в страны Содружества Независимых Государств, преимущественно в Россию и Казахстан. При этом прибывшие в страну в основном являются выходцами из соседних Узбекистана и Таджикистана[14]. В 2000 году в Киргизии был зафиксирован максимально высокий на сегодняшний день уровень бедности – 62,6%. Ее удавалось сокращать до 2008 года. Затем, до 2012 года, доля бедного населения вновь увеличивалась. С 2012 по 2014 год эта динамика была обращена, однако в 2015 году (год вступления в Евразийский экономический союз) был зафиксирован уровень бедности в 32,1%, после чего удалось снизить этот показатель до 25,6% в 2017 году (см. **рисунок 5**).

Примечательно, что, как и в случае показателей инфляции (когда данные по индексу потребительских цен Национального статистического комитета Киргизии противоречили сведениям Всемирного банка о дефляторе валового внутреннего продукта), кривая GINI-индекса от Всемирного банка в 2014–2016 годах (доступная на момент написания статьи информация) отражает противоположные Джини-коэффициенту (от Национального статистического комитета Киргизии) динамические изменения. Согласно данным Всемирного банка, GINI-индекс вырос в тот период, когда показатель бедности также увеличился. А когда уровень бедности снизился, то и разрыв денежных доходов населения упал. Джини-коэффициент от Национального статистического комитета Киргизии, напротив, снизился в период роста уровня бедности и вырос при падении бедности почти на 7% в 2015–2016 годах. Показатели среднедушевых месячных доходов, переведенные в доллары, также упали с 2014 по 2016 год на 17,5% (с 73,8 до 60,9 долл.) (см. **таблицу 3**).

За этот же период средний размер оплаты труда (в пересчете на доллары) вырос на 4,4% (с 45,5 до 47,5 долл.), минимальная зарплата – на 3,5% (с 16,8 до 17,4 долл.), а средняя пенсия в Киргизии снизилась на 15% (с 87,8 до 74,9 долл.). Для сравнения можно привести следующие данные: в национальной валюте показатели среднедушевых ме-

Рисунок 5. Показатели бедности в Киргизии, 2014–2017 годы*

Figure 5. Poverty indicators in Kyrgyzstan, 2014-2017

* Составлено по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики и World Bank

Таблица 3. Доходы населения Киргизии, 2014–2017 годы*

Data chart 3. Incomes of the population of Kyrgyzstan, 2014-2017

	2014	2015	2016	2017
Денежные доходы на душу населения, долл. в месяц**	73,8	63,2	60,9	68,8
Оплата труда, доход от предпринимательской деятельности	45,5	41,1	40,5	47,5
Минимальная заработная плата, долл.	16,8	15,0	15,2	17,4
Средний размер назначенной месячной пенсии с учетом компенсационных выплат (на конец года, долл.)	87,8	75,9	74,9	81,0
Коэффициент бедности***	30,6	32,1	25,4	25,6
Коэффициент Джини (по доходам)	0,429	0,408	0,406	0,392
Глубина бедности	5,4	5,9	4,1	4,6
Острота бедности	1,4	1,6	1,1	1,2

* Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. http://stat.kg
** Рассчитано по среднегодовому курсу доллара
*** С 2000 года – по потреблению

14 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Миграционный прирост, отток (-): http://stat.kg/ru/opendata/category/1866

сячных доходов не упали, а выросли на 19,8%, средняя оплата труда – на 34%, минимальная зарплата – на 33,3%, средняя пенсия (в сомах) также увеличилась на 18,4%.

Заключение

Резюмируя изложенное выше, отметим, что подводить промежуточные итоги нахождения Киргизии в Евразийском экономическом союзе – довольно трудная задача. Отчасти это связано с тем, что имеющиеся оценки часто делаются экспертами или институтами, обладающими определенной политической аффилированностью. Кроме этого, некоторые статистические показатели вызывают сомнения, а сектор ненаблюдаемых и нефиксированных экономических явлений в стране весьма значителен. Выше был приведен пример того, как показатели инфляции за 2016 год были подвергнуты сомнению одним из депутатов парламента. Между тем весьма показателен также выговор, который в октябре 2018 года получил министр финансов Киргизии за занижение суммы внешнего государственного долга[15].

За несколько лет нахождения страны в составе интеграционного объединения приток денежных переводов относительно валового внутреннего продукта вырос с 29,9% до 33,2%. Повышение конкурентоспособности рабочей силы из Киргизии на трудовых рынках стран Евразийского экономического союза – один из важных результатов вступления республики в эту международную организацию (равно как и последовавший за этим рост денежных переводов). Кроме этого, для республики весьма существенной является поддержка Российской Федерации (поставки нефтепродуктов по выгодным для Киргизии ценам, а также объем оказываемой безвозмездной помощи, в том числе для таможенного и пограничного контроля).

Однако, несмотря на позитивную динамику ряда показателей, которую принято трактовать как эффекты вхождения республики в Евразийский экономический союз, торговля со странами союза растет медленнее, чем товарооборот с Китаем, который уже является крупнейшим торгово-инвестиционным партнером республики. Проблемы строительства и реконструкции инфраструктуры (включая строительство дорог, аэропортов, вокзалов и т.д.) весьма остро стоят перед Киргизией. Решение этих вопросов базируются на внешнем финансировании и техническом содействии. Экономический рост, несмотря на позитивные официальные данные, замедлился. Объем ненаблюдаемой экономики растет; среднедушевые доходы падают. Дефицит бюджета и размер внешнего долга увеличивается. Таким образом, ресурс поддержки, который получила республика на начальном этапе своего вхождения в Евразийский экономический союз, по сути, исчерпан, и дальнейшая динамика ее развития зависит не в последнюю очередь от того, кто из партнеров – Россия или Китай – будет выбран руководством страны в качестве приоритетного.

15 Министр финансов получил выговор за занижение суммы госдолга (26 октября 2018 года): https://24.kg/vlast/99906_ministr_finansov_poluchil_vyigovor_zazanijenie_summyi_gosdolga

Литература

Евразийская экономическая комиссия. Аналитический доклад. Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. М., 2018. 112 с.

Постсоциалистический мир: итоги трансформации: В 3 т. Т. 2. Постсоветские государства. СПб.: Алетейя, 2017. 454 с.

Тураева М.О. Внешнеэкономические связи Киргизии накануне вступления в Таможенный союз // Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции. М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 160–178.

Тураева М.О. Экономика Киргизии: институты и ресурсы развития: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. 50 с.

Vinokurov E. Eurasian Economic Union: current state and preliminary results: *Russian Journal of Economics.* 2017. Vol. 3. P. 54–70. In English

References

Eurasian Economic Commission. Analytical report. Kyrgyz Republic: two years in the Eurasian Economic Union. First results. M., 2018. 112 p. In Russian

Post-socialist world: the results of transformation: In 3 vol. Vol. 2. Post-soviet states. St. Petersburg: Aleteiya, 2017. 454 p. In Russian

Turaeva M. O. Foreign economic relations of Kyrgyzstan on the eve of joining the Customs Union // Foreign economic relations of the post-Soviet countries in the context of Eurasian integration. M.: Institute of Economics RAS, 2014. P. 160–178. In Russian

Turaeva M. O. Kyrgyz economy: development institutions and resources: Scientific report. M.: Institute of Economics RAS, 2016. 50 p. In Russian

Vinokurov E. Eurasian Economic Union: current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics.* 2017. Vol. 3. P. 54–70. In English